

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И АРХИВНОГО ДЕЛА
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ТОГБУК
«ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. А. С. ПУШКИНА»

**РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Материалы Тамбовских краеведческих чтений
(декабрь, 2014)

Тамбов
2014

УДК 94 (470.326)
ББК 63.3 (2Рос – 4Там)
Р 76

Члены редакционного совета:

заместитель директора Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина по научной работе **Патрина Людмила Николаевна** (*ответственный редактор*)

заведующий отделом краеведческой библиографии Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина **Стяблина Ирина Викторовна**

главный библиограф отдела краеведческой библиографии Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина **Житин Руслан Магомедович**

Рецензент:

Акользина Марина Константиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

Российская провинция в годы Первой мировой войны [Текст] : материалы Тамбовских краеведческих чтений (декабрь, 2014) / ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина»; отв. ред. Л. Н. Патрина. – Тамбов : [б.и.], 2014. – 52 с.

В сборник вошли материалы, посвящённые малоизученным аспектам влияния военного фактора на жизнь российской провинции в 1914-1918 гг.

Издание адресовано преподавателям, научным работникам, сотрудникам архивов, библиотек и музеев, учащейся молодёжи.

Статьи и списки источников опубликованы в авторской редакции.

© Коллектив авторов
© ТОГБУК «Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Стяблина И. В.</i>	Приветственное слово	4
<i>Житин Р. М.</i>	Влияние Первой мировой войны на Тамбовскую губернию	5
<i>Житин Р. М.</i>	Помещичье хозяйство в годы Первой мировой войны	13
<i>Кротова Т. А.</i>	Документальные материалы Государственного архива Тамбовской области по истории первой мировой войны	18
<i>Огорокова Е. О.</i>	Первая мировая война в исследованиях тамбовских учёных и краеведов	27
<i>Просветов Р. Ю.</i>	Епископ армии и флота Вениамин (Федченков) и организация служения военного духовенства в Крыму при генерале Врангеле	34
<i>Топильский А. Г.</i>	Культурная политика России в Галиции в 1914-1916 гг.	45

Уважаемые участники Тамбовских краеведческих чтений!

Последствия Первой мировой войны не просто определили дальнейший ход мировой истории. Радикально изменилась система международных отношений, а также расстановка сил в Европе и в мире в целом. Первая мировая война стала одним из крупнейших событий XX века, повлиявшим на судьбы множества стран и народов. В числе государств, ощутивших на себе её влияние в наибольшей степени, была и Россия.

У нас почти не помнят и не чтут героев, павших в боях за честь и достоинство Отечества в годы Первой мировой войны. Эта война, которую весь мир называет Великой, была на многие годы забыта. В России эту войну сначала называли Второй Отечественной, затем Империалистической и лишь позднее назвали Первой мировой. Это трагическое событие привело к крушению самых могущественных европейских государств и образованию новой политической ситуации в мире. Война оказала мощное влияние на исторический ход и геополитическую обстановку в мире.

После ста лет память о Первой мировой войне в значительной мере стала восстанавливаться в российском историческом сознании.

Сегодняшние чтения посвящены малоизученным аспектам влияния военного фактора на жизнь российской провинции в 1914-1918 гг. Региональный контекст позволил по-новому взглянуть на сложившиеся стереотипы и восполнить пробелы, связанные с пониманием роли России в Первой мировой войне, открыть новые направления для исторических исследований.

Стяблина Ирина
Викторовна, заведующий
отделом краеведческой
библиографии Тамбовской
областной универсальной
научной библиотеки
им. А. С. Пушкина

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТАМБОВСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Житин Р. М.

Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина,
г. Тамбов, Россия, главный библиограф отдела краеведческой библиографии,
e-mail: istorik@mail.ru

В статье показано влияние военного фактора на социальное и экономическое положение Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Тамбовская губерния, Первая мировая война, благотворительность, военнопленные.

Один из самых широкомасштабных вооружённых конфликтов в истории человечества, названный впоследствии Первой мировой войной, начался 28 июля 1914 г., когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Россия вступила в войну 1 августа, после объявления ей войны Германией.

Первое, с чем встретилась Тамбовская губерния в годы Первой мировой войны, — это всеобщая мобилизация. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., с территории губернии в армию ушли 387063 человека (11,1 % к общей численности населения). Большая часть военнообязанных (до 68 %) отправилась на фронт именно в первый год военных действий. Основную тяжесть мобилизации понесло сельское население. Как указывают исследователи, доля мобилизованных в городах не превышала 4–5 %. Кроме увеличения численности действующей армии начался быстрый рост состава запасных частей. Так, в Борисоглебске, где в 1914 г. проживало около 35 тыс. жителей, в начале войны был расквартирован батальон численностью 8 тыс. человек. В Моршанске разместились 21 тыс. военнослужащих; в Тамбове их контингент увеличился до 33 тыс.

Взгляды общественности Тамбовской губернии на войну в конце 1914 г. формировались из убеждения в скоротечности войны и справедливости вступления России в конфликт. Стремление дать отпор врагу, восприятие начавшейся войны как Отечественной обусловило всплеск патриотических настроений в городской среде. Прошли манифестации, сопровождавшиеся молебнами о даровании победы армии, сбором пожертвований на нужды войны, отправкой патриотических телеграмм императору. «Да здравствует великая славянская нация! Скоро померкнет тевтонская звезда!»: подобный заголовок из еженедельника «Тамбовский край» — яркий пример лозунговой лексики периодических изданий того времени. В качестве основного социального источника патриотизма исследователи называют крестьянство, которому были свойственны наивный монархизм и патриархальная идея помощи «братьям славянам», вера в «единую и неделимую Россию». Однако ощущение войны как вселенского горя, стремление снять напряжение, вызванное начавшейся войной и ожиданием страшных последствий — всё это объясняет и тот факт, что мобилизация в губернии не прошла без эксцессов.

2 и 3 августа 1914 г. в Тамбовской губернии прошли чрезвычайные заседания городских дум. Настроения были восторженными, уверенность в непобедимости русского оружия стойкой. «Нет ещё такой силы, такого народа, который бы уничтожил Россию!» — выражал общее настроение городской глава Усмани А. Огорков. На протяжении первых месяцев войны тамбовский губернатор А. А. Салтыков из многих мест получал информацию о манифестациях в поддержку правительства и молебнах о даровании победы. Одно из самых крупных выступлений прошло 5 октября 1914 г. Патриотическое шествие населения по улицам Тамбова в этот день завершил парад войск, а губернатор в телеграмме

Николаю II отметил готовность всех жителей «стать как один для защиты Царя и родины».

Патриотическое настроение, охватившее население Тамбовской губернии, вызвало мощный подъём движения благотворительности. Благодаря централизованной системе сбора средств, созданной как на общероссийском, так и на губернском уровнях уже в первые дни войны, благотворительное движение стало всеобщим, в него включились различные социальные слои: дворяне, купцы, крестьянство, промышленники, средние слои городских обывателей, земские служащие, студенчество.

Перед благотворительными государственными, общественными организациями и частными лицами стояли две основные задачи: оказание помощи семьям призванных и организация помощи больным и раненым воинам русской армии. Для этой цели были учреждены различные комитеты и общества, действовавшие во всех городах Тамбовской губернии. Уже в августе 1914 г. Тамбовской городской думой совместно с городской управой был разработан комплекс мер по оказанию помощи семьям мобилизованных солдат. Городские думы и городские собрания на чрезвычайных заседаниях приняли решение о призрении семейств лиц, призванных на войну. За городскими служащими были оставлены места с полным окладом жалования.

Самым массовым направлением общественной благотворительной деятельности был сбор средств на «Военные нужды». Деньги шли на поддержку воинов в действующей армии, на расходы, связанные с военным временем, на вооружение и оборудование армии и флота. Расходованием сумм ведал Благотворительный комитет губернского центра, которому за первые три месяца работы удалось направить на помощь семьям мобилизованных более 12 тыс. рублей. Активную работу вело Общество попечения о

бедных под председательством Н. А. Салтыковой, супруги губернатора А. А. Салтыкова. Попечительное общество о бедных практиковало различные формы поддержания нуждающихся: выдачу денежных пособий, оказание медицинской помощи, выделение средств на образование осиротевших детей.

Многочисленными организациями были Общественный комитет помощи пострадавшим от войны и Продовольственный комитет города Тамбова. Их деятельность наиболее активно проявилась в организации бесплатных обедов для нуждающихся семей запасных и призывников.

Основной задачей Губернского комитета Всероссийского земского союза было оказание помощи больным и раненым воинам. Первые раненые (614 человек) прибыли в Тамбов 22 августа. Власть и общественность губернии совместными усилиями смогли обеспечить выделение зданий, финансирование создания госпиталей и лазаретов, их бесперебойное функционирование. Самую значительную неправительственную помощь в этом направлении оказала Русская Православная Церковь. Только за 3 месяца 1915 г. расходы Тамбовской епархии на военные нужды превысили 100 тыс. руб. На средства епархии было открыто 13 лазаретов. В условиях массового поступления раненых на территорию Тамбовской губернии в марте 1915–1917 гг. имело огромное значение при лечении, обеспечении качественной медицинской помощью и быстрой реабилитации пострадавших количество подобных учреждений.

В сборе средств среди общественных организаций большую роль играли дамские комитеты. Например, Моршанский дамский комитет полностью обеспечил бельём 40-й Ковыленский и 28-й сапёрный батальоны.

В городах губернии проводилось множество благотворительных акций в форму лотерей, спектаклей,

благотворительных киносеансов, кружечных сборов, сборов по подписным листам и т. д.

Многие благотворительные акции возглавляли известные в губернии представители интеллигенции и торгово-промышленного мира. Так, член Тамбовской городской Думы А. Я. Тимофеев организовал сбор средств прямо в здании Нарышкинской читальни. Крупные суммы на поддержку раненых выделили М. В. Асеев, М. Л. Шоршоров, И. В. Андреев, купцы Егоровы.

Во время войны в города Тамбовской губернии прибыло значительное количество беженцев, депортированных, военнопленных. Беженцы начали прибывать в начале 1915 г. Действовал Губернский комитет помощи беженцам (впоследствии — Губернское совещание по устройству беженцев). Совещание являлось главным распределяющим и контролирующим финансовым органом. На 1 января 1916 г. в губернии находилось около 130 тыс. беженцев. В Российской империи в годы войны был депортирован миллион гражданских лиц. Они перемещались во внутренние районы империи, размывая прежде однородный национальный состав. Общее количество выселенцев по отношению к численности городского населения до осени 1915 г. было невелико. Однако в некоторых городах депортированные составляли серьезную конкуренцию местному населению на рынке труда. Начало отступления в 1915 г. активизировало депортации на западе России и занятых территориях Австро-Венгрии. Летом 1915 г. в города Тамбовской губернии стали прибывать крупные партии депортированных. Поток выселенцев оказался гораздо большим, к чему были подготовлены губернские власти. Рост недовольства местного населения вынудил власти добиться направления потока депортированных в другие губернии. Особого влияния выселенцев на местную жизнь не отмечалось.

Одна из характерных черт Первой мировой войны — небывалое число военнопленных по обе стороны фронта, исчислявшееся многими миллионами. Для жизни Тамбовской губернии появление значительного числа пленных, зачастую религиозно и этнически чуждых людей, стало совершенно новым явлением. Первая их партия прибыла в Тамбов уже в августе 1914 г. в количестве 64 человек. В последующем контингент военнопленных на территории губернии достиг нескольких тысяч. Общая нехватка рабочих рук заставляла использовать военнопленных в качестве источника трудовой силы. В газетах отмечалось, что среди военнопленных «встречаются хорошие садовники, цветники». Имеются сведения использования военнопленных в качестве приказчиков в магазинах, приёмщиков, парикмахеров. Часть пленных была занята в сельскохозяйственном и фабрично-заводском производстве в качестве рабочих разных уровней. Однако широкое применение военнопленных в качестве трудового резерва сдерживалось их общей недисциплинированностью. В местной прессе широко освещались случаи уклонения от работы и отказов выполнять приказы. Вместе с тем в отчётах губернаторов отмечалось корректное отношение к военнопленным со стороны местных жителей; конфликтов на национальной почве и в городах, и в сельской местности не наблюдалось.

Рост патриотизма, всеобщего воодушевления был сдержан серьёзными провалами русской армии (конец 1914 г.). Война явно затягивалась. Она не сняла социальных и экономических противоречий, наблюдавшихся в жизни аграрной Тамбовской губернии особенно остро. Недовольство текущими поражениями на фронте обострило положение с трудовыми ресурсами в деревне. К зиме 1914–1915 гг. в городах губернии предельно обострилась продовольственная ситуация. Цены на продукты выросли в общем на 30 %. К

октябрю 1914 г. во всех местных городах были установлены предельные цены на продовольственные товары. Производственным комитетам была рекомендована самостоятельная закупка продуктов питания, минуя посредников. Однако принятые меры не остановили продовольственного кризиса. Твёрдые цены очень скоро вызвали исчезновения товаров с рынка. Борьба со спекуляцией стала главной задачей губернского правления и городских управ, но загруженность железнодорожных магистралей военными заказами не позволяла быстро ликвидировать дефицит необходимых продуктов.

Поражение кампании 1915 г. требовало ещё большего напряжения общественных сил и в развитии производственных возможностей. Подчиняясь решениям IX Торгово-промышленного съезда, руководство Тамбовской губернии создало в городах и уездах военно-промышленные комитеты. В их обязанности входило распределение промышленных заказов, оказание содействия организации и перестройке производства, что означало полный переход всех производительных сил губернии на военные нужды и увеличение роста производящей силы губернии. Перевод экономики на выпуск военной продукции привёл к сокращению выпуска товаров народного потребления. Повсеместный рост цен и перебои с поставками стали рядовым явлением в городах губернии. К концу лета 1915 г. стала очевидна бесперспективность таксирования цен на продукты и товары. Поэтапно стали вводиться твёрдые цены. Но они, во-первых, не остановили рост цен, во-вторых, очень скоро вызвали исчезновение продуктов с рынка. К началу 1916 г. продовольственные затруднения переросли в острый продовольственный кризис. Резкое вздорожание продуктов и рост цен привели к падению жизненного уровня большинства категорий городского населения. Экономические трудности

военного времени послужили причиной уменьшения уровня заработной платы. Повышение цен в первую очередь ударило по беднейшим слоям города, рабочим, интеллигенции. В 1915 г. из 12 стачек на тамбовских фабриках и завода 9 прошли под лозунгом повышения оплаты труда. Не случайно усилилось недовольство местной властью, в вину которой ставилось неумение овладеть ситуацией и влиять на рост цен и распределение продуктов. Росло недовольство и правительством, которое не проявляло должной заботы о подданных.

Общественное настроение к концу войны характеризовалось апатией и усталостью, желанием скорейшего заключения мира. Все это накаляло социальную обстановку, подготавливало почву будущего революционного взрыва. Военные неудачи, продовольственная проблема, рост цен, ударивший по средним и малоимущим слоям городского общества, общеэкономическая дестабилизация губернии — всё это стало причиной недоверия к местным властям и правительству, привело к росту негативного отношения к войне, к радикализации сознания и подготовило настроение в обществе к социальному взрыву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алехин, Д. В.* Беженство в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны [Текст] // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. : материалы междунар. конф., май 2002 г. – Тамбов, 2002. – С. 202–206; *Он же* Алехин, Д. В. Благотворительная деятельность Тамбовской епархии в годы Первой мировой войны [Текст] // VII Державинские чтения. – Тамбов, 2002. – С. 197
2. *Алехина, Е. В.* Участие Тамбовского земства в деле оказания помощи беженцам 1915–1916 гг. [Текст] // Алехина Е. В., Щербинин П. П. // Война и общество : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов, 1999. – С. 19–21.

3. Дьячков, В. Л. [О Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны] [Текст] / В. Л. Дьячков, Л. Г. Протасов // Россия в мировых войнах XX века. – Москва ; Курск, 2002. – С. 155.
4. Есиков, С. А. Деятельность тамбовского земства по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на Первую мировую войну [Текст] / Есиков, С. А., Щербинин, П. П. // Россия в мировых войнах XX века. – Москва ; Курск, 2002. – С. 133–139.
5. Канищев, В. В. Депривация городских средних слоёв в период Первой мировой войны [Текст] : (по материалам Центра России) // Война и общество : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов, 1999. – С. 33–35.
6. Самохин, К. В. Мобилизации, реквизиции и заготовки для армии в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны [Текст] // VII Державинские чтения : материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. – Тамбов, 2002. – С. 198–199.
7. Щербинин, П. П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. [Текст] // Вестн. Челябин. ун-та. – 2003. – Т. 1, № 2. – С. 62–72.
8. Щербинин, П. П. [О населении Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны] [Текст] / П. П. Щербинин, А. И. Иванов // Щербинин, П. П. Женщина и война в поэзии и повседневности в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / П. П. Щербинин, А. И. Иванов. – Тамбов, 2001. – С. 18–37.

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Житин Р. М.

Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина,
г. Тамбов, Россия, главный библиограф отдела краеведческой библиографии,
e-mail: istorik@mail.ru

В статье проанализирована проблема влияния военного фактора на социально-экономическое развитие российского частновладельческого хозяйства. Показана высокая степень зависимости экономики российских имений от наемных рабочих.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, социальная история, помещики, имения.

Одной из самых важных проблем, остро вставших перед помещичьим хозяйством в 1914 году, было обеспечение именованной рабочей силой. В первый же год войны из сельского хозяйства было взято около 7,5 млн. человек [1]. Во второй и третий годы войны в армию было призвано еще 6 млн жителей деревни. В результате большое количество экономий осталось без мужских рабочих рук. Например, в Московской губернии – 44 % хозяйств, Амурской – 43 %, Томской – 42 %, Тамбовской и Вологодской – 36 %, Киевской – 37 %, Харьковской, Саратовской и Уфимской – 30 % [2].

Судя по отзывам современников, отток рабочей силы расценивался российским аграрием с тревогой, однако не представлялся как катастрофа. Из Тамбовской губернии сообщалось: «В рабочих во время сева яровых чувствовался некоторый недостаток, однако, не особенно острый и ничем не отразившийся на ходе работ». Такие же сведения приходили и из Курской губернии: «Недостаток в рабочих, хотя и встречается почти повсеместно, тем не менее, большой остроты нигде не принимал» [3].

Ситуация изменилась со вторым и третьим наборами в армию. В 1915 г. уже в 50 губерниях Европейской России заявили о недостатке рабочих рук в деревне. Управляющий министерством земледелия А. А. Риттих писал: «Последствия столь значительной убыли мужских рабочих рук в сельском хозяйстве не могут не быть весьма серьезны. Остающиеся взрослые рабочие мужчины уже не в состоянии, даже при крайне напряжённой помощи труда женского и полурбочих мужчин (подростки и лица старше 50 лет) возделывать всю ту площадь земли, обсеменение которой необходимо для удовлетворения всей потребности страны в продовольствии и кормах» [4].

Убыль рабочих рук помещики пытались восстановить разными формами принудительного труда. Особое место в структуре помещичьего хозяйства занимал труд солдат. По просьбам землевладельцев они отпускались из воинских частей и направлялись на наиболее трудные сельскохозяйственные работы. «Никаких препятствий к отпуску на вольные работы со стороны военного начальства

землевладельцы, по всей видимости, не встречаются», - констатировал в это время В. В. Хижняков [5]. Значение найма военнослужащих далеко превосходило скромный удельный вес солдат в массе сельскохозяйственных рабочих. Причём, солдатский труд не только являлся средством восполнения дефицита работников, но использовался помещиками как эффективный способ понижения заработной платы в имениях. «Солдаты, как наемная рабочая сила, – писал в «Русском инвалиде» Генерал Драгомиров, – в крае с многочисленным населением не нужны и служат дошлым помещикам только как средство сбивать цену на крестьянский труд. Поэтому иногда случается, что крестьяне, вооружавшись дубьем, чем попало, выгоняют солдат с работы» [6].

Другой важной составной помещичьего хозяйства времён войны являлись пленные. Помещики, используя своё социальное и экономическое влияние, смогли направить большую часть военнопленных в сельское хозяйство. Согласно данным Особого совещания по обороне большинство (60 %) общего числа пленных солдат получило именно Министерство земледелия.

Для российских помещиков солдаты иностранных армий стали самым желаемым заменителем ушедших на фронт крестьян. Весьма характерным является прошение лебедянского помещика, штабс-капитана Александра Васильевича Наумова министру внутренних дел: «Я обращаюсь к Вам с просьбой и не от себя одного, а от всех земледельцев и помещиков тамбовской губернии. Скоро подходит уборка хлебов, рабочих рук нет в деревне, мы все можем остаться с необранным хлебом. Очень прошу Ваше Сиятельство помочь нам в безвыходном положении, и, конечно, надо давать нам пленных таких, которые знают сельскохозяйственные работы...» [7].

Это обращение ценно еще и тем, что оно указывает на главную форму распределения военнопленных – заявки отдельных владельцев. Удовлетворение подобных прошений сильно зависело от материальных возможностей владельца. Согласно данным «Свода по России» пленные направлялись в районы расположения наиболее крупных хозяйств. Если в

низших группах имений (посев от 0 до 50 дес.) солдаты составляли от 12 до 18 % рабочих, то в высших группах (с посевом от 500 дес.) 30 и более процентов. Приоритет в распределении труда военнопленных виден и на региональном материале. Только в одном Ново-Покровском имении Орлова-Давыдова трудилась до 700 солдат иностранных армий. Они выполняли работы по уборке сахарной свёклы и её доставке на производство. Оплата труда новых рабочих была намного ниже заработка местных сельскохозяйственных работников. Пленные в Ново-Покровке получали до 15 руб. ежемесячно. Остальные – могли рассчитывать на 30-40 руб. [10]

Виды на иностранных солдат имели не только помещики. Дефицит рабочей силы усиливался благодаря возросшей в годы Столыпинской реформы конкуренции между помещичьим и крестьянским хозяйствами за привлечение работников. Однако крестьянам досталось не более 10 % общего числа военнопленных [8, с. 25].

Для характеристики помещичьего хозяйства крайне важно рассмотрение сюжетов, связанных с проблемой взаимоотношения военнопленных и руководства имений. Жизнь пленных была незавидной. В отношении иностранных солдат законодательной базы практически не было. Согласно Гаагской конвенции военнопленные не должны были подвергаться излишним стеснениям, заключение должно было применяться к ним в виде исключительной меры. Однако, данные положения лишь от части соблюдались на территории России. Применялась практика не временного заключения по необходимости, а тюремного содержания (причем не в самых, даже по меркам российской юстиции, хороших условиях). Так, лагеря для военнопленных были ограждены проволочными заграждениями. «Колочей проволокой ограждались и отдельные бараки, и места для прогулок военнопленных. За ними был установлен постоянный надзор со стороны часовых, караульных и надзирателей. У многих пленных появился особый вид душевного расстройства — «психоз колючей проволоки» [9]. Тысячи пленных гибли от голода и эпидемий. Владельцы имений оправдывали себя чрезвычайно напряженным рабочим графиком. «8-ми часовой день не может

быть применён в сельскохозяйственной практике и может послужить громадным тормозом своевременной уборке хлеба, так как по пословице «летний день год кормит», – отмечал «землевладелец небольшого достатка» Лебедянского уезда Николай Писарев. Он жаловался: «В данное время берут военнопленных и раздают их в другие руки, а хозяйства остаются без рабочих, не имея возможности теперь косить, и это вызывает нарушение работ, и ничего не предвещает убедительного».

Излишняя эксплуатация в российском сельском хозяйстве не являлась чем-то особенным. В условиях неразвитости законодательного регулирования труда сельскохозяйственных рабочих, установление режима работы, заработка, и условий труда для пленных было личным делом каждого предпринимателя.

В некотором смысле положение военнопленных в крестьянских хозяйствах было намного лучше. Крестьяне, для которых пленные являлись в прямом смысле диковиной, относились к ним с уважением и лёгким и любопытством [10]. Кроме того, многие из пленных были крестьянского происхождения. Это обстоятельство позитивно влияло на имагологию двух групп населения.

Таким образом, война оказала серьёзное влияние на помещичье хозяйство. В результате военных действий произошло сокращение рынка рабочей силы, часть имений не смогла удержать свои позиции. Следствием кризиса стала острая нехватка рабочей силы, которую ряд помещиков пытались восполнить за счёт альтернативных ресурсов (солдаты российской армии и военнопленные). Высокая зависимость частных владений от наёмной рабочей силы может расцениваться как индикатор серьёзных успехов капиталистического развития помещичьей собственности в начале XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевелева, О. В. Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) [Текст] / О. В. Шевелева // Научные ведомости Белгородского

- государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – Выпуск 2. – Т. 6. – 2008. – С. 96.
2. Анфимов, А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) [Текст]. – М. : Наука, 1962. – С. 189.
 3. Головин, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне [Текст]. – М. : [б. и.], 2001. – С. 77–78.
 4. Сидоров, А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны [Текст]. – М. : Наука, 1973. – С. 56.
 5. Хижняков, В. В. Рабочий вопрос в деревне. – СПб.: [б. и.], 1904. – Т. II. – С. 302.
 6. Хижняков, В. В. Там же.
 7. Липецк в годы Первой мировой [Текст] // Gorod48.ru. – Россия, 2008 – . – Электрон. данные. – Режим доступа : <http://gorod48.ru/news/260161/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Просмотрено 08.07.2013.
 8. ТОГУ «ГАТО». Ф. 195. Оп. 1. Д. 1227.
 9. Крестьянство в войне и революции (статистико-экономические очерки А. Хрящевой) [Текст] – М. : [б. и.], 1921. – С. 19.
 10. Васильева, С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны [Текст] : учебное пособие к спецкурсу. – М. : [б. и.], 1999. – С. 232.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т. А. Кротова

Государственный архив Тамбовской области,
г. Тамбов, Россия, к.и.н., старший научный сотрудник

В статье приведен обзор документальных материалов Государственного архива Тамбовской области по истории Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, архив, краеведение, архивные документы, использование.

Первая мировая война потребовала величайшего напряжения материальных и духовных сил конфликтовавших

сторон, участия в той или иной степени всего населения воевавших стран. Не была исключением и тыловая Тамбовская губерния, как и в предыдущих войнах, она снова стала опорной базой фронта, поставляя продовольствие, боеприпасы, лошадей, и, конечно, давая армии солдат.

Уже через несколько дней после начала войны, 21 июля 1914 года тамбовский губернатор направил в адрес императора Николая II телеграмму от имени жителей губернии о готовности стать, как один человек, на защиту царя и Родины. А на следующий день была получена ответная телеграмма императора с искренней благодарностью населению Тамбовской губернии «за его молитвы и готовность стать на защиту дорогой Родины».

Многочисленные архивные документы дают широкую панораму жизни губернии в эти годы на фоне общероссийских и глобальных событий. Государственным архивом Тамбовской области подготовлен к печати обзор фондов и документов ГАТО к 100-летию начала Первой мировой войны, в начале 2015 года книга будет представлена широкой аудитории, надеемся, вызовет интерес и специалистов, и краеведов, и всех, кто неравнодушен к истории своего края. Сегодня мы предлагаем вам краткий обзор архивных документов, сопроводив его небольшой виртуальной презентацией.

Наиболее богатые по количеству и содержанию документов – фонды Канцелярии тамбовского губернатора и Тамбовского губернского правления, в которых отражена вся жизнь губернии в этот сложный период. Интересные сведения о политическом положении в уездах содержат рапорты полицейских чиновников губернатору о настроениях населения в уездах, которые менялись с ходом войны. В начале войны в этих рапортах отмечалось отсутствие беспорядков, спокойное настроение.

Тамбовский уездный исправник в рапорте губернатору отмечал патриотическое настроение населения, отсутствие неудовольствия в связи с военными действиями: «Состоятельный класс отзывчиво относится к воззваниям Красного Креста и охотно жертвуют деньгами и вещами на нужды чинов действующей армии. При этом считаю долгом присовокупить, что с прекращением торговли крепкими спиртными напитками повсеместно по уезду замечается значительное уменьшение числа преступлений, подъём трудоспособностей населения и улучшение его экономического положения».

Архивные фонды военных учреждений – воинских начальников, губернского по воинской повинности присутствия – содержат материалы, непосредственно связанные с призывом жителей губернии на военную службу, в том числе приказы, списки призывников, сведения о направлении их в воинские части. Многие из наших земляков-современников могут найти в этих документах своих предков, родственников.

1 апреля 1916 года в Тамбовской мужской гимназии собрались преподаватели и офицеры расквартированных в Тамбове запасных полков, чтобы обсудить насущную проблему – о допризывной подготовке молодёжи. Большая часть новобранцев не была физически готова к службе в армии, тем более к боевым действиям. На собрании было постановлено образовать в Тамбове военно-спортивный комитет, который бы и занялся такой подготовкой. В архивном фонде этого комитета сохранились списки окончивших курсы, в экзаменационных ведомостях учеников реального училища, Пителимовской гимназии, Толмачёвского училища нет ни одной тройки, большинство оценок – пятерки. Программа занятий была насыщенной: полевая гимнастика, лагерные занятия, бег, изучение Устава, строевая и стрелковая

подготовка. Для стрельбища городская управа отвела комитету луг напротив Петропавловского кладбища. К 1 сентября 1916 г. курсы допризывной подготовки окончили уже 161 человек, к маю 1917 г. – 185.

В сохранившихся экзаменационных ведомостях учеников 7 класса реального училища и Питиримовской гимназии нет ни одной тройки, большинство оценок – пятёрки; как было записано в общей характеристике, «все ученики проявили полное старание к делу, благодаря чему в сравнительно короткий срок результаты обучения оказались выше ожидаемого. Выправка, дисциплина строя отличная. Стрелковое дело, подготовка одиночного бойца, звена, отделения, взвода при разной обстановке в поле усвоено очень хорошо». Единственное, на что сетовали инструкторы, – среди прошедших допризывную подготовку не было знающих плавание, лыжи, велосипедную и верховую езду, управление автомобилем или мотоциклом. Конечно, для 17-18-летних юношей учеба была интересной и увлекательной и, наверное, это возвышало их в собственных глазах – маршировать строем, подержать в руках винтовку и даже пострелять. Почти всех этих мальчиков ждала война...

Достоин внимания сохранённый архивными документами ещё один факт. Учительница Кажлодского начального земского училища Спасского уезда М. Ф. Славина, окончив гимнастические курсы для учителей и курсы допризывной подготовки, с декабря 1916 года сама стала готовить к военной службе 20 молодых крестьян села Кажлодки, обучая их по воскресеньям Уставу, гимнастике, маршировке, ружейным приёмам на спортивной площадке перед школой.

В годы Первой мировой войны значительно выросла роль местного самоуправления – городских дум и управ и

губернского и уездных земств – как органов, занимавшихся организацией всей жизни на местах.

Уездные земства, городские думы и управы в годы войны продолжали заниматься текущими вопросами содержания земских школ, больниц, амбулаторий, дорожного строительства, агрономической помощи населению. В то же время на органы местного самоуправления легло дополнительное бремя мобилизации, оказания помощи семьям призванных на военную службу, содержания лазаретов и других расходов, связанных с военным временем, при нехватке денежных средств, которые приходилось изыскивать, делая займы или сокращая другие расходы.

Представляют интерес анкеты сельских корреспондентов Кирсановского и Козловского уездов о социально-экономическом состоянии деревни в 1915 году. В анкетах, кроме описания хозяйства, надо было ответить на вопросы – в каком состоянии находятся семьи призванных, как отразилась война на экономическом положении крестьян, как они проводят свободное время, праздники и т. д.

Например, надо было написать, какое влияние оказало на крестьянские хозяйства запрещение продажи спиртных напитков и как теперь население проводит праздники. Вот что написал крестьянин Степан Оськин из села Бибикова Козловского уезда: «Свадьбы и торжества становятся втрое дешевле, так что при таких случаях остаётся экономия, драк, ссор со дня закрытия ни одного не было, о закрытии водки, наоборот, всё население от старого до малого благодарит, ввиду того, что в большинстве семей через пьянство были ссоры и драки, малые дети ходили разутые и раздетые и недоставало хлеба (не говоря об уличных драках и ссорах)». О развлечениях на селе крестьяне писали примерно одинаково: в праздник жители побывают в церкви, отдохнут, выйдут на улицу, посидят около домов, поговорят о последних событиях,

почитают газеты; молодёжь иногда устраивала игры в лапту, посиделки с песнями под гармошку и карточной игрой в «дурачка». Но, конечно, не все были довольны «сухим законом», некоторые сельские корреспонденты писали о случаях употребления одеколona или денатурированного спирта, который доставали в городах.

В 1915 году были образованы Тамбовский губернский и Моршанский уездный военно-технические комитеты. Документы этих комитетов сохранились в небольшом количестве, но содержат интересные и ценные документы о размещении военных заказов и их выполнении предприятиями Тамбовской губернии. Сохранились описание 9-сантиметрового бомбомёта с фотографиями, чертежи чугунных снарядов для этого бомбомёта, которые изготавливались в губернии, чертежи походной кухни, сруба и план полигона для испытания стрельбой бомбомётов.

В 1914 году недалеко от Тамбова началось строительство Тамбовского порохового завода, а в конце 1915 года он уже начал выпуск продукции. В архиве хранится богатый фонд завода, содержащий документы о его строительстве, прокладке железнодорожной ветки, строительстве моста через Цну, о самих строителях, о начале производства пороха.

С первых дней начавшейся войны губернские власти были озабочены организацией лечения раненых и больных воинов, которые должны были прибывать по железной дороге, для них предполагалось сразу оборудовать две тысячи больничных коек. Архивные фонды учреждений здравоохранения – врачебного отделения губернского правления, больницы Красного Креста и госпиталей содержат документы об организации и деятельности госпиталей и лазаретов, многочисленные дела о призыве медицинского персонала на военную службу. В начале 1915 года в Тамбове действовало 25 лазаретов, в том числе земские – в здании винного склада на Гимназической улице – ныне завод

«Ревтруд», на углу Носовской и Державинской улиц в доме Никонова – ныне здесь расположен банк, на Знаменской (Октябрьской) улице в частных домах Пикулина и Малина, в земской больнице, в училище слепых (ныне Колледж искусств). Лазареты были оборудованы и при женском Вознесенском монастыре, и в доме купцов Егоровых на Дворянской (Интернациональной), и в других частных домах. Заведовали лазаретами присяжный поверенный П. М. Назарьев, жена вице-губернатора М. Н. Липинская, старший доктор губернской больницы П. А. Баратынский, игуменья Вознесенского монастыря Емелия, священник Сергей Гроздов и другие известные и уважаемые в городе люди.

В период войны действовали многочисленные общественные организации, среди которых особое место занимает губернское отделение Комитета её императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий, образованное в 1914 году и проводившее активную работу по организации приютов, сбору средств для беженцев из западных губерний, их трудоустройству. Особенно активно работал комитет весной и летом 1915 г. Во всех приходских и домовых церквях Тамбова стояли активисты комитета с опечатанными кружками, в которые люди опускали деньги – кто сколько мог. Кружечным сбором руководила супруга губернатора – Н. А. Салтыкова. А активистами комитета были и старосты всех церквей, и простые горожане, и известные в городе люди – дочь директора мужской гимназии О. Л. Успенская, и директор Екатеринбургского учительского института Ф. Ф. Виноградов, и начальница Александринского института благородных девиц Т. А. Генненберг. Министерство народного просвещения специально разрешило привлекать к участию в сборе денег учеников старших классов, конечно, «с соизволения родителей и начальников заведений». Не

оставались в стороне и сельские жители. В сохранившихся подписных листах напротив фамилий крестьян стоят разные суммы – от пяти копеек до рубля, крестьянские копейки складывались в небольшие суммы – 7-10 рублей от села, может быть, они покажутся ничтожными, но для крестьянина в то тяжкое время рубль был большой суммой.

Часть собранных в губернии средств направляли в Петроград, в распоряжение Татьянинского комитета, а часть оставляли в Тамбове, распределяли среди беженцев, покупали для них одежду и продукты, тщательно записывая все расходы. В списках приобретённого стоят самые необходимые вещи: ученики Толмачёвского начального училища Соломон Эйдман, Ян Копман, Николай Козельцев и другие получили блузы, брюки, зимнее пальто, девочкам выдали ткань на платья. Десяткам детей раздали тёплые куртки, платки, валенки, не считая ещё и сумм, внесённых комитетом за право обучения детей беженцев в гимназиях и реальном училище. На эти же деньги были открыты приюты для детей на станциях в Козлове, Тамбове, Грязях, Сасове, Липецке.

Сохранились фонды губернского и Моршанского уездного комитетов по устройству беженцев, здесь есть списки беженцев, их прошения о предоставлении работы, сведения об их размещении, оказании материальной помощи.

Благотворительное движение получило мощный толчок и распространилось на все слои населения. Во всех городах губернии и в ряде сёл были учреждены различные комитеты и общества, собиравшие деньги на военные нужды – на вооружение и обмундирование армии, на оказание помощи семьям призванных и раненым. В числе таких организаций были образованные ещё в XIX веке Тамбовский городской благотворительный комитет и попечительное общество о бедных. Активно действовал Моршанский дамский комитет, собирая пожертвования не только в городе, но и на

железнодорожной станции, и в сёлах уезда. Интересный факт: в городе Борисоглебске 1 октября 1914 года уездный предводитель дворянства Н. И. Охлябинин организовал кружечный сбор пожертвований на усиление воздушного флота, и собрано было 785 рублей 22 копейки, эти деньги были перечислены в казначейство на особый счёт – «на создание воздушного флота».

Патриотический настрой в начале войны вылился в многочисленные обращения к губернатору и постановления служащих губернских и уездных учреждений об отчислении «на нужды военного времени» одного процента ежемесячного жалованья вплоть до конца войны: так решили служащие канцелярии губернатора, земств, полиции и других ведомств. Действенной была помощь Церкви: храмы, монастыри, епархиальные служащие постоянно отчисляли со своих доходов деньги на военные нужды.

К сожалению, фотографий времён Первой мировой войны сохранилось немного, но нельзя не упомянуть, что в коллекции фотодокументов нашего архива содержатся уникальные фотографии из семейной коллекции Пантелиных. Эти фотографии были присланы из действующей армии.

Особо следует сказать о фондах личного происхождения. Период Первой мировой войны отражён в двух фондах участников военных действий: Языкова Алексея Григорьевича и Нектарова Аполлона Николаевича. В фондах сохранились письма и телеграммы с фронта.

Документальные материалы, с которыми мы познакомили вас сегодня, доступны для всех пользователей, их можно изучать в читальном зале Государственного архива Тамбовской области. На сайте ГАТО размещена виртуальная выставка документов – Тамбовская губерния в начале Первой мировой войны.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАМБОВСКИХ УЧЁНЫХ И КРАЕВЕДОВ

Окорокова Е. О.

Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина,
г. Тамбов, Россия, ведущий библиограф отдела краеведческой библиографии,
e-mail: lenaokb@gmail.com

В статье дан обзор научно-вспомогательного библиографического пособия «Первая мировая война в исследованиях тамбовских учёных». Раскрыта структура указателя, охарактеризовано его содержание.

Ключевые слова: Первая мировая война, библиография, библиотека, тамбовские ученые, историография.

К столетию начала Первой мировой войны Тамбовской областной универсальной научной библиотекой им. А. С. Пушкина было подготовлено научно-вспомогательное библиографическое пособие «Первая мировая война в исследованиях тамбовских учёных», представляющее (и в какой-то степени обобщающее) результаты работы представителей высшей школы данного региона в этом направлении на протяжении более полувека.

В указатель включено около 300 научных трудов историков, политологов, социологов, экономистов, литературоведов и специалистов других гуманитарных профессий, рассматривающих прошедшие события с различных позиций и разных точек зрения, изучающих феномен первого глобального конфликта с использованием богатого арсенала методов, новейших методик и информационных технологий. Среди них как маститые учёные – преподаватели вузов (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбовский государственный технический университет и др.), научные сотрудники архивов, музеев, библиотек, Тамбовской митрополии – так и молодые исследователи (студенты и аспиранты), а также известные краеведы-любители.

Круг изучаемых ими проблем, тем, фактов и архивных источников достаточно широк и разнообразен. Он не ограничивается историей Тамбовской губернии того периода, хотя региональный компонент присутствует во многих научных работах (33 % от общего количества публикаций) и имеет существенное значение. Среди наиболее исследованных тем: состояние вооружённых сил в различных странах (57 %); проблемы международных и межнациональных отношений (26 %); благотворительная деятельность (20 %); социально-экономическое положение детей и женщин (11 %); роль интеллектуальной элиты и отражение военных событий в философии, литературе и искусстве (11 %); особенности (чаще всего негативные) повседневной жизни населения (10 %) и другие. Используя материал данного библиографического пособия, можно установить сходства и различия решения одних и тех же проблем военного времени в разных (в том числе, и враждующих между собой) государствах. Особый интерес представляют комплексные проекты, выполненные на стыке нескольких гуманитарных наук и научных направлений (например, использование в контрразведке несовершеннолетних или гендерный аспект исторических, политических, экономических, социальных, культурных событий и т. п.). Значительная часть публикаций носит персональный характер (37 %) и посвящена как воинам – героям боевых действий, так и выдающимся государственным, политическим и общественным деятелям. В большинстве исследований вновь вводятся в научный оборот архивные документы и другие ценные источники.

Исходя из полученных нами данных, можно заключить, что приоритетными направлениями исследований тамбовских учёных являются: участие Российской (63 %) и Австро-Венгерской (15 %) империй в Первой мировой войне, а также политическое и дипломатическое урегулирование этого военного конфликта (18 %). Менее других изучены соответствующие события в истории Османской империи (1,6 %), Италии (1,3 %), Китая (0,3 %).

Хронологический охват выявленных нами публикаций составляет: для научных исследований – 50 лет (1964–2014), а

для работ краеведов-любителей – почти 70 лет (1946–2014). За это время (особенно, начиная с 1990-х годов) тамбовскими учёными разных специальностей было защищено 14 кандидатских и 5 докторских диссертаций; написано 25 авторских и коллективных монографий, 8 учебников и учебных пособий; издано свыше 50-ти различных тематических сборников (в том числе, материалов международных, всероссийских и региональных научных конференций и форумов), раскрывающих множество аспектов Первой мировой войны. В «Тамбовской энциклопедии», выпущенной в свет в 2004 г., содержится более 60-ти статей, рассказывающих о Первой мировой войне и его участниках.

Данное библиографическое пособие создано не только на основе фондов Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. В процессе работы были использованы также следующие электронные ресурсы: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru/>); Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов (<http://www.dissercat.com/>); сайт Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (<http://www.tsutmb.ru/>); сайт Тамбовского государственного технического университета (<http://www.tstu.ru/>) и некоторые другие. Отбор библиографических записей для включения в указатель закончен 31 марта 2014 года. Библиографические записи составлены в соответствии с ГОСТами системы СИБИД.

Материал сгруппирован по геополитическому принципу («Международные аспекты Первой мировой войны», «Российская империя в Первой мировой войне», «Великобритания и Франция в Первой мировой войне», «Соединённые Штаты Америки в Первой мировой войне», «Австро-Венгерская империя в Первой мировой войне», «Германская империя в Первой мировой войне», «Османская империя в Первой мировой войне») а затем в соответствии с темой (или предметом) исследования (например, «Боевые действия армии и флота. Их численность, состав и материально-техническое обеспечение», «Деятельность органов власти и управления, общественных организаций»,

«Социально-экономическое положение различных групп населения. Культура повседневной жизни», «Отражение военных событий в философии, художественной литературе и искусстве», «Тамбовская губерния в годы Первой мировой войны», «Межнациональные и межэтнические отношения», «Психологические проблемы и морально-этические представления населения» и др.).

Тамбовские историки и политологи изучают предпосылки, течение, результаты и последствия Первой мировой войны в различных аспектах, в том числе и в свете развития международных и межнациональных отношений. В первом разделе «Международные аспекты Первой мировой войны» представлены публикации как о панславизме, так и о пантюркизме и других общественных, политических и культурных течениях, актуальных в XIX–XX вв. Также рассматриваются проблемы становления государственности, формирования национального самосознания и гражданского менталитета, особенностей демографические поведения и другие. Особое внимание уделено распаду четырёх империй (Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской), изменению расстановки экономических, политических и военных сил на международной арене, созданию Лиги Наций и первым предпосылкам Второй мировой войны.

Один из самых больших разделов указателя посвящён участию Российской империи в Первой мировой войне. В сфере внимания тамбовских учёных не только дипломатические коллизии и положение на фронте, но и обстановка в тылу: проблемы проведения мобилизаций и снабжения армии; повседневная жизнь населения в условиях военного времени; деятельность земских учреждений и благотворительных организаций; изменение положения различных социальных групп (особенно усиление роли женщин); отражение исторических событий в философских трактатах, и публичных выступлениях, произведениях литературы и искусства и т. д. Особый интерес представляют темы, возникающие на пересечении различных наук и требующие от исследователей весьма специфических знаний. Например, стимулирование кооперативных предприятий

земскими учреждениями; организационно-правовое обеспечение беженцев, сирот, и солдаток; инновации социализации гражданского общества; взаимное влияние гендерных отношений на становление российской государственности и т. д.

Поскольку в большинстве исследований рассматривается как комплексный, так и региональный аспект изучения данной проблемы, краеведческий массив публикаций (по возможности) выделен из общего количества научных работ. Историки, политологи, экономисты, социологи, литературоведы – как профессиональные учёные, так и краеведы-любители – на протяжении многих лет активно исследуют данный период жизни Тамбовской губернии в самых разных аспектах, иногда с диаметрально противоположных точек зрения, существенно изменившихся с советских времён. Тщательному анализу подверглись различные сферы деятельности горожан, военнослужащих, сельских жителей: от производства продуктов и деятельности военно-промышленных комитетов до нюансов повседневности и быта. Особенно много работ посвящено благотворительности, социальной и гендерной дифференциации населения, специфическим проблемам, возникающим у противоборствующих сторон. Значительная часть публикаций носит персональный характер и рассказывает о конкретных людях, внесших свой вклад в завершение Первой мировой войны.

Союзникам России в этом военном противостоянии (Англии, Франции, США и другим странам) также посвящено немало серьёзных исследований тамбовских учёных. Подробному изучению подверглись наиболее важные проблемы и направления деятельности (стран Антанты в целом и каждой из заинтересованных сторон в частности): мирное урегулирование глобального военного конфликта; широкое распространение пацифистского движения; преодоление различий в концепциях создания Лиги Наций; налаживание взаимоотношений монополий с колониями и постепенное самоопределение зависимых стран; отстаивание тем или иным

государством своих державных интересов в будущем глобальном переустройстве мира и т. д.

Большую часть исследований тамбовских учёных по истории американской государственности, политики и дипломатии этого периода составляют работы персонального характера, наглядно доказывающие значение на переломе эпох той или иной выдающейся личности: будь то Президент США Вудро Вильсон, его советник полковник Эдвард Хауз, посол США в Китае профессор Пол Рейнш или американский автомобильный магнат Генри Форд и т. п.

Тамбовские историки, политологи и социологи уделяют большое внимание изучению всех сфер деятельности Австро-Венгерской империи (со дня её основания до окончательного распада). Особенно скрупулезно, с использованием вновь введённых в научный оборот фактов, исследуется период Первой мировой войны: положение Габсбургской монархии; состояние армии и флота; стратегия и тактика ведения боевых действий; деятельность органов государственной власти, военной юстиции и общественных организаций; внешняя политика и дипломатия; межнациональные и межэтнические отношения; военная медицина (в частности, психиатрия); цензура и журналистика; психологические и морально-этические проблемы различных социальных групп (фронтовиков, беженцев и др.); повседневная жизнь населения в военное время и т. д. Несколько работ носит персональный характер и посвящено видным политическим и государственным деятелям. Например, Карлу Реннеру, будущему (в 1918–1920 гг.) первому федеральному канцлеру Австрии.

Историки активно вводят в научный оборот мемуары участников противостояния с немецкой стороны. Политологи выявляют истоки и особенности германского конституционализма, а также изучают проблемы Веймарской республики, возникшие в процессе выплаты репараций после окончания войны. Литературоведы проводят подробный и качественный анализ состояния интеллектуальной и художественной элиты Германии на рубеже веков; определяют насколько и как военные (и последующие – революционные)

события оказали влияние на немецкую литературу XX века; устанавливают творческие и биографические связи между писателями, представителями «потерянного поколения» и т. д. Значительная часть данных исследований посвящена жизни и деятельности Ганса Фаллады, автора знаменитого антифашистского романа «Каждый умирает в одиночку» (1947). Хотя классиком немецкой литературы Фалладу признали уже после Второй мировой войны, основы его мировоззрения как писателя и гражданина формировались в период Первой мировой (как до начала конфликта, так и во время, и после его завершения). Некоторые из его ровесников стали ветеранами сразу двух мировых войн.

Тамбовские учёные уделяют довольно много внимания событиям, происходившим на Кавказе, Балканах и Ближнем Востоке в период Первой мировой войны. В разделе «Османская империя в Первой мировой войне» представлены работы, посвящённые распространению идей пантюркизма; юридической практике наказания военных преступников; проблемам жизнеобеспечения военнопленных и т. д.

Внутри каждой части (раздела или подраздела) данного указателя библиографические записи расположены в алфавите фамилий авторов (или названий). Помимо данных о монографиях, приведены сведения о рецензиях на эти издания, опубликованных в профессиональной печати. В тех случаях, когда библиографическое описание недостаточно точно и полно отражает содержание публикаций, применяются аннотации, преимущественно биографического характера. Каждому разделу предшествуют краткие ознакомительные исторические справки. Для улучшения поиска литературы внутри текста имеются ссылки («См. также...»), а в конце пособия размещён именной указатель авторов научных и научно-популярных работ.

Полностью научно-вспомогательное библиографическое пособие «Первая мировая война в исследованиях тамбовских учёных», снабжённое значительным количеством иллюстраций (в том числе, подлинными фотографиями тех лет из коллекций тамбовчан), размещено на сайте Тамбовской областной универсальной

научной библиотекой им. А. С. Пушкина (<http://www.tambovlib.ru>) в рубрике «Издания». Отдел краеведческой библиографии Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина будет признателен за все замечания и предложения по данному вопросу. Материалы пособия предназначены как специалистам, так и краеведам-любителям, всем интересующимся историей Первой мировой войны.

**ЕПИСКОП АРМИИ И ФЛОТА ВЕНИАМИН
(ФЕДЧЕНКОВ) И ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖЕНИЯ
ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В КРЫМУ
ПРИ ГЕНЕРАЛЕ ВРАНГЕЛЕ**

Просветов Р. Ю.

Общecerковная аспирантура и докторантура
им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, г. Москва,
аспирант кафедры церковной истории,
e-mail: kraevedster@gmail.com

Епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) возглавил духовенство армии и флота вооруженных сил Юга России в 1920-м году. При его участии была сформирована вертикаль управления военным духовенством, в задачу которого входило удовлетворение религиозных нужд больных и раненых воинов, напутствие умирающих, погребение умерших, извещение об их смерти родственников, совершение богослужений и активное проповедничество. Епископ Вениамин не только координировал всю деятельность военных священников, но и сам выступал с «воззваниями» в печати, а также периодически выезжал на фронт. Опыт его архипастырского служения и организации служения духовенства в период военных действий может быть востребован в современных условиях, учитывая возрождение военного духовенства в российской армии.

Ключевые слова: Крым, митрополит Вениамин (Федченков), военное духовенство, Белое движение, гражданская война, капелланы.

Вениамин (Федченков) стал викарием Таврической епархии, епископом Севастопольским в 1919-м году, когда ему шел 39-й год. Назначение новопоставленного епископа на

Севастопольскую кафедру привело к значительному оживлению религиозной жизни в городе. Он почти ежедневно совершал богослужения в городских храмах, произносил вдохновенные проповеди с церковного амвона, организовывал крестные ходы. При поддержке нового епископа стали активнее действовать братства и сестричества. Более того, они были созданы теперь во всех храмах викариатства. По инициативе епископа Вениамина в ряде приходов Севастополя стали создаваться детские религиозные организации [1]. Все это привлекало внимание людей к личности активного епископа, а вскоре он и приобрел всеобщую любовь своей паствы. К тому же, для Крыма владыка не был новым человеком. Еще в 1911-1913-х годах епископ Вениамин служил здесь в качестве ректора Таврической духовной семинарии, а в 1917-м году – провел в Крыму почти всю весну и лето, находясь на излечении в Свято-Георгиевском Севастопольском монастыре. Осенью того же года он был вновь призван возглавлять Таврическую семинарию и пребывал в этой должности до своего поставления на Севастопольскую кафедру.

Местом проживания нового викарного епископа был избран Херсонесский монастырь. Здесь проходила большая часть всех богослужений, на которых присутствовали представители делегаций из различных государств, посещавших тогда Таврическую епархию. Губернский город Симферополь стал, фактически, периферией Крыма, тогда как в прибрежных городах и, в особенности, в Севастополе была сконцентрирована вся военно-политическая жизнь полуострова. Нельзя не отметить и тот факт, что в Крыму в то время сосредоточилось достаточно большое количество духовенства и религиозных деятелей Русской Православной Церкви, которые покинули территории, занятые большевиками. Переезд в Севастополь Временного высшего церковного управления Юга России также подтверждал стратегическое значение этого города. В связи с этим фигура местного епископа в епархии становилась если и не центральной, то весьма значимой.

В феврале 1920 года в Таврическую епархию пришло послание Патриарха Тихона (Беллавина), в котором духовенству запрещалось «вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций» [2]. Спустя годы, епископ Вениамин говорил о реакции архиереев на это послание: «В оправдание свое мы решили, что этот указ касается тех областей, где существует советская власть, и не может распространяться на местности, где господствуют белые. Наше отстранение от участия в Белом движении было бы истолковано как несогласие с ним и даже сочувствие красным. Кратко говоря, мы были бы нелояльными к нашей местной власти» [3]. На самом деле, и владыка в этом признается в своих воспоминаниях, он, как и многие другие, всем сердцем сочувствовал Белому движению.

В марте 1920 года, после эвакуации частей Вооруженных сил юга России из Новороссийска, Крым остался единственным участком суши, удерживаемым Добровольческой армией. Однако армия была разложена и деморализована. Немалую часть вины за такое её состояние возлагали тогда на главнокомандующего генерала А. И. Деникина. Среди людей, небезразличных к судьбе своей Родины, всё чаще и чаще стали раздаваться голоса за смену Деникина на посту главнокомандующего. Активно за это выступал и Севастопольский епископ Вениамин. Антон Иванович Деникин в своих воспоминаниях прямо пишет о том, что епископ Вениамин возглавил против него «оппозицию крайних правых», считая, что генерала погубил «тот курс политики, который отвратен русскому народу» [4]. Об организации общественного выступления «правой инициативной группы» в Крыму во главе с епископом Вениамином в пользу Врангеля говорит в своих воспоминаниях князь А. Н. Оболенский [5]. О роли владыки Вениамина в деле отставки Деникина пишет и генерал Слащёв [6]. Генерал Врангель в свою очередь отмечает, что именно епископ Вениамин поддержал его в трудную минуту решения о принятии на себя командования Армией [7].

22 марта 1920 года Деникин подписал приказ о назначении генерала Врангеля новым главнокомандующим. Через три дня в честь нового главнокомандующего на Нахимовской площади был устроен военный парад, после которого к площади подошли участники крестного хода, организованного епископом Вениамином из каждого городского храма Севастополя. После молебна епископ огласил участникам торжеств приказ Деникина о назначении командующим армии генерала Врангеля и произнёс «жесткую и зажигательную проповедь, в которой звучали призывы к борьбе с большевиками» [8]. Тогда владыка ещё искренне верил, что советская власть не будет поддержана народом и долго она не продержится.

Вскоре генерал Врангель принял у себя делегацию духовенства и общественных деятелей. В своих воспоминаниях он пишет, что имел особый разговор с епископом Вениамином, в котором владыка обращал внимание генерала на упадок нравственности в армии, говорил о необходимости духовно-религиозного воспитания войск, об активизации работы духовенства. По-видимому, Пётр Николаевич был со всеми этими словами согласен. Он вспоминал: «Работа и в этом отношении предстояла большая, и во главе военного духовенства должен был быть поставлен человек исключительно деятельный. Мало зная наше высшее духовенство, мне трудно было наметить такое лицо; я решил посоветоваться с членом церковного Собора графом П. Н. Апраксиным, бывшим таврическим губернатором, ныне председателем Ялтинской городской думы, человеком высоко честным и глубоко религиозным. Он находился в Севастополе, и я просил его на следующий день прибыть ко мне. Граф Апраксин горячо рекомендовал мне самого епископа Вениамина, который, помимо других качеств, как епископ Севастопольский, был хорошо известен населению Таврии и пользовался среди последнего высоким уважением» [9].

31 марта 1920 года Врангель издал приказ о назначении епископа Вениамина управляющим военным и морским духовенством, заменив тем самым «павшего духом» и откомандированного в Константинополь и Балканские страны

протопресвитера Г. И. Шавельского. Владыка Вениамин вспоминал: «Это был первый случай за 220 лет (со времени Петра I), что во главе духовенства стал архиерей. Государственные военные власти прежде не хотели этого потому, что с протоиереем легче было обходиться, чем с архиереем. Тут сказался и дух господства государства над Церковью. Но избрание меня архиереем армии и флота тоже не означало улучшения церковных воззрений теперешнего правительства. Это было личным делом главнокомандующего, по личной симпатии ко мне. Важно отчасти было и то, что я пользовался любовью у севастопольцев, а это весьма нужно было и для военного дела. Так судьба меня поставила очень близко к самому центру белого движения в последний период его» [10].

10 апреля 1920 года Врангелем был подписан приказ, согласно которому управление протопресвитера переименовывалось в «управление военным и морским духовенством». Чин управляющего военным и морским духовенством равнялся военному чину командира корпуса, подчинявшегося непосредственного главнокомандующему. Помимо этого учреждалась новая должность помощника епископа Вениамина (им стал протоиерей Г. Спасский), а также должности личного секретаря (И. Черненко) и чиновника для особых поручений (капитан первого ранга А. Свечин). Штат управления был увеличен с 17 до 40 человек. Кроме того, в его составе появились должности проповедников армии [11].

Заручившись поддержкой главнокомандующего и любовью севастопольцев, епископ Вениамин взялся за нравственное оздоровление армии и, прежде всего, офицерства и командующего состава. В армии был введён институт корпусных благочинных, которые назначались из лиц духовенства при штабах корпусов. Корпусным благочинным подчинялись благочинные дивизий, но в случае необходимости последние обращались и напрямую в управление военным духовенством. В число обязанностей корпусных благочинных входило: «возможно чаще посещать находящиеся в районе корпуса госпиталя [и] лазареты, в том числе и приданные к

дивизиям, так как дивизионные благочинные не всегда могут иметь за ними наблюдение и руководить деятельностью госпитальных священников, наблюдая, чтобы священниками: а) возможно чаще совершались богослужения, б) посещались раненые, в) напутствовались умирающие, г) хоронились с подобающей честью умершие, д) чтобы при госпиталях имелось необходимое церковное имущество, имелись и правильно велись метрические книги, ж) чтобы об умерших священниками извещались их родственники и з) чтобы для погребения умерших воинов отводились (там, где не отведены) особые кладбища и чтобы кладбище и кладбищенские могилы содержались в добром порядке» [12]. Особое внимание обращалось «на удовлетворение религиозно-нравственных нужд больных и раненых воинов» [13]. В этом, добавим от себя, заключается долг священнослужителей на войне.

Сам епископ Вениамин тщательно координировал деятельность военных священников и периодически выезжал на фронт. Под его руководством осуществлялось издание газеты «Святая Русь», где он выступал с обращениями и объявлениями. Большая работа проводилась им по оказанию помощи клирикам-беженцам и членам их семей. Владыка служил молебствия и благословлял войска, выпускал «воззвания» и «призывы».

В начале июня 1920 года епископ Вениамин пожелал лично ознакомиться с обстановкой на освобождённой территории и совершил большую поездку по северным уездам Таврической губернии. По возвращении он составил особый доклад о своих наблюдениях в тылу. Этот доклад открыто вскрывал язвы творящихся беззаконий со стороны армии и местной власти. Прежде всего владыка призывал быть внимательнее к простому народу, к простым людям. Он писал: «Необходимо, чтобы, во-первых, все, начиная с главнокомандующего, посещали народ, бывали в деревнях, говорили с ним задушевно, просто, а не чурались его и не ограничивались одними лишь торжественными наездами; нужно чтобы народ видел, что ему доверяют и уважают его личность, любят его по-христиански; во-вторых, необходимо, чтобы всякие грубости искоренялись беспощадно, как

провокационно-губительные действия, подрывающие нравственные взаимоотношения между высшими и низшими; необходимо, чтобы перестал народ бояться и чураться нас; для этого нам нужно всячески опасаться давления своей личностью, особенно кто занимает высокое положение; великая заслуга начальника сочетать власть с простотой.

Что дивного, если бояться начальника маленькие люди, если и я, епископ, управляющий большим делом, далеко не всегда свободно чувствую себя в присутствии властей прежней духовной складки. Мы должны быть просты, народны, благожелательны, открыты. И народ пойдет за нами. Особенно нужно теперь обратить внимание на сельский народ. Ведь совершенно ясно, что не одно офицерство, тем более не интеллигенция, и не горожане, спасут Россию, а крестьянство.

Поэтому посещение его, связь с ним душевная и искренняя необходима как воздух, особенно важны центры сельские. Например, посещение и сближение с Б[ольшой] Михайловкой, этой местной «Москвой», по выражению большевиков, решило бы массу вопросов (и о мобилизации, и о земле, и о проч.) на всю округу, чуть ли не на весь север Таврии... Но, увы, там кроме постоя почти ничего не было сделано в этом отношении. Послужил я Литургию, сказал две проповеди, – и только...

С народом – спасенье, – без него мы – корабли в бушующем океане» [14].

Эта обширная цитата из не менее обширного доклада владыки по результатам его поездки приведена здесь не столько для характеристики происходящего в тылу армии, сколько для понимания главных забот архипастыря, забот не только о своей военной пастве, но и о тыловом народе [15]. Владыка жестко критиковал интеллигенцию за её бездеятельность, равнодушие и чванство. Призывал не отсиживаться в тылу, а идти хотя бы с нравственной проповедью, с лекциями и агитацией в армию, к солдатам и офицерам. И от офицеров он требовал своим примером показывать высокий идеал своим подчиненным солдатам. Просил относиться к ним по-человечески, с уважением и

снисходительностью. Однако высокие чины чаще всего были глухи к его словам.

Конечно, проповеди и выступления владыки Вениамина, по его словам, ни в коей мере не преследовали своей целью подорвать авторитет офицеров. Напротив, «в Мелитополе, – писал он, – во время моей речи в театре я упомянул о том, что хорошо было бы интеллигенцию нашу отправить на фронт (особенно педагогов), а офицеров (их много и с высшим образованием) из армии пригласить к педагогической деятельности. Одна дама возразила с места, что иные офицеры не знают молитв даже. Я ответил, что Закон Божий и батюшки сумеют преподавать, а других предметов не потребуются. А кроме того, добавил я, пусть не коснется ничья рука офицерства: они устлали белыми костями поля России и полили ее кровью мученичества. Не знают иные из них молитв, но Господь за подвиги жертвенные простит им это...» [16].

Эти слова владыки подтверждались делом. Для поднятия боевого духа солдат и офицеров 30 апреля 1920 года по его рекомендации в армии был учреждён особый орден «Святителя Николая Чудотворца». Этот орден представлял собой чёрный металлический крест с изображением святого и надписью «Верю спасется Россия» на трехцветной ленте. Всего им было награждено 337 человек солдат, офицеров и генералов. Военные священники награждались наперсными золотыми крестами на Георгиевской ленте. Использовались и другие церковные награды для духовенства: митры, палицы, камилавки.

Епископ Вениамин первым подавал пример в самоотверженном служении. Он принимал активное участие в организации дней всенародного покаяния, крестных ходов, прилагал все усилия к тому, чтобы поднять духовно-нравственный уровень своей паствы. «Вплоть до последних дней эвакуации, – пишет советский исследователь Б. П. Кандидов, – управление военным духовенством бесперебойно продолжало свою деятельность. Назначали попов, перемещали их, возбуждали ходатайства о награждении

за «подвиги» в борьбе с Красной армией, руководили церковным снабжением и т.д.» [17].

Вскоре активная деятельность главы военного и морского духовенства натолкнулась на открытое недовольство высших военных чинов. Его проект о запрете в войсках употребления матерных ругательств был попросту «завернут». Среди многих вождей и воинов Белой армии наблюдалась не только теплохладность в вопросах веры, но даже и безрелигиозность, пренебрежение ко всему духовному. В своих воспоминаниях владыка признавался, что они не хотели даже понять нужд простого народа. Поэтому лично для владыки «белое движение было в конце концов движением классовым, а не всенародным (не рабоче-крестьянским)» [18]. И, не найдя в нём достаточного нравственного, религиозного и идеологического стержня, он вскоре в нём разочаровался.

После захвата Красной армией Крыма в ноябре 1920 года епископ Вениамин вместе с частями Русской армии и беженцами эмигрировал в Константинополь. Его предшественник на посту главы военного и морского духовенства протопресвитер Георгий Шавельский, который также как и владыка увидел разложение Белого движения и превращения добровольцев в «белых большевиков», писал в эмиграции в 1943 году: «Добровольческое дело 1919-1920 годов, может быть, когда-нибудь будет признано недоразумением: своя своих не познаша. Может быть, Добровольческая Армия принесла не только пользу, но и вред России. Может быть, без обильно пролитой в гражданской войне русской крови скорее бы возродилась бы Россия. Но в защиту Добровольческой Армии надо сказать, что она явилась благородным и самоотверженным протестом против тех крайностей, с какими выступила в октябре 1917 года новая власть: объявлением религии опиумом народа, отрицанием собственности, свободного труда и полным пренебрежением к человеческой личности» [19].

Пройти мимо этого благородного и самоотверженного протеста епископ Вениамин не мог. Он писал: «Я <...> не думал о конце или победах, как и другие, а шел на голос совести и долга. И в этом душевном решении не раскаиваюсь и

теперь. Пусть это было даже практической ошибкой, но нравственно я поступил по совести. И мне тут не в чем каяться» [20].

Практическая ошибка заключалась не в поддержке Белого движения, которое потерпело поражение. Главной ошибкой было невыполнение послания Патриарха Тихона о невмешательстве духовенства в политическую жизнь. Усвоив этот урок, владыка Вениамин, будучи в эмиграции, всячески старался дистанцироваться от политики и призывал к этому других духовных лиц. «Конечно, – писал он, – как гражданам страны, и нам важны и близки интересы родины, но все же мы специалисты в других областях, а не в гражданской и военной. И потому брать на себя ответственность за эти вопросы, да еще когда нас не спрашивают о них, весьма рискованно» [21].

Обязанностью священнослужителей, как в военное, так и в мирное время, является священнодействие и духовное окормление паствы. Сложность периода гражданской войны заключалась в том, что одна из сторон открыто заявила о своём безбожии, поставила себя вне Церкви, вне нравственного закона, формируя свой новый, революционный закон. Более того, эта сторона захотела изменить многовековую историю России, перевоспитать сам народ, что привело в итоге к многочисленным жертвам. Против этого и выступило военное духовенство в Крыму во главе с епископом Вениамином, явив собой пример самоотверженного служения Богу и Отечеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катунин, Ю. А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917-1939 гг. (на материалах Крыма) [Текст] : дис. доктора исторических наук. – Симферополь, 2003. – С. 68.
2. Послание Патриарха Тихона верующим Православной Российской Церкви 25 сентября (8 октября) 1919 г. [Текст] // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и материалы. – М., 1996. – С. 45.
3. Кашеваров, А. Н. Высшее Церковное Управление в 1918-1922 гг. [Текст] / А. Н. Кашеваров // История Русской Православной Церкви в XX в. (1917-1933 гг.): материалы конференции. – Мюнхен, 2002. – С. 41–42.

4. Деникин, А. И. Очерки русской смуты [Текст]. – Минск : [б. и.], 2002. – С. 444–445.
5. Кандидов, Б. П. Церковь и Врангель [Текст]. – Харьков : [б. и.], 1931. – С. 7.
6. Катунин, Ю. А. Там же. – С. 79.
7. Врангель, П. Н. Воспоминания: в 2 частях. 1916-1920 [Текст]. – М. : Центрполиграф, 2006. – С. 385.
8. Катунин, Ю. А. Там же. – С. 81.
9. Врангель, П. Н. Там же. – С. 400.
10. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох [Текст]. – М. : Правило веры, 2004. – С. 239.
11. Приказ № 3007 главнокомандующего вооруженными силами на юге России генерала Врангеля от 10 апреля 1920 г. См.: Кандидов, Б. П. Церковь и гражданская война на юге [Текст] (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). По неопубликованным архивным материалам. – М. : Безбожник, 1931. – С. 181.
12. Кандидов, Б. П. Церковь и Врангель [Текст]. – М. : Атеист, 1931. – С. 40-41.
13. Кандидов, Б. П. Там же. – С. 46.
14. Кандидов, Б. П. Церковь и гражданская война на юге. – Там же. – С. 109.
15. Полностью доклад епископа Вениамина см.: Докладная записка епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова) о наблюдениях в тылу Русской армии в Северных уездах Таврической губернии [Текст] // Белая гвардия. – 2008. – № 10. – С. 214–221.
16. Кандидов, Б. П. Там же. – С. 63
17. Кандидов, Б. П. Там же. – С. 95.
18. Вениамин (Федченков), митр. Там же. – С. 252.
19. Шавельский Г., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота [Текст]. – М. : [б. и.], 2010. – С. 30.
20. Вениамин (Федченков), митр. Там же. – С. 234–235.
21. Вениамин (Федченков), митр. Там же. – С. 185. Подробнее об этом см.: Просветов, Р. Ю. Митрополит Вениамин (Федченков) о христианском отношении к власти // Интернет-журнал Православие.ру. 30 сентября 2014 г. – Россия – . – Электрон. данные. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/73993.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Просмотрено 08.12.2014.; Научный богословский портал «Богослов.ру». 6 октября 2014 г. – Россия – . – Электрон. данные. – Режим доступа : <http://www.bogoslov.ru/text/4213518.html>, , свободный. – Заглавие с экрана. – Просмотрено 08.12.2014.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ГАЛИЦИИ В 1914-1916 ГГ.

Топильский А. Г.

Тамбовский государственный университет им Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия, аспирант 1-го года обучения,
e-mail: a-topil@yandex.ru

В статье даётся сравнительный анализ культурной политики Российской империи на территории Галицийского генерал-губернаторства в 1914-1916 годах. Определяющим фактором отказа от политики русификации региона в 1916 году стало тяжёлое военное положение России, вынудившее ограничиться решением социально-экономических проблем на занятой территории.

Ключевые слова: Галиция, русины, украинцы, москвофилы.

С началом Первой мировой войны лозунги защиты малых народов от поработителей и создания национальной государственности занимали значительное место в декларативных заявлениях держав Антанты. В августе 1914 г. российская сторона опубликовала два воззвания к народам Австро-Венгрии и к полякам за подписью Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. В воззвании к полякам, датированном 1 августа 1914 г., говорилось: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части русский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» [1]. Декларация великого князя была воспринята в общественно-политических кругах поляков как правительственное заявление по польскому вопросу и обещание автономии. Таким образом, уже в самом начале войны декларировался лозунг славянского единства.

С началом войны пропаганда идей освобождения славянства в русской периодической печати усилилась. Прежде чем приступить собственно к вопросу о пропаганде славянской идеи на территории Восточной Галиции, следует сказать несколько слов об этническом составе этой территории. С точки зрения общественно-политических деятелей Российской империи начала XX в. на территории

Восточной Галиции проживала значительная доля русинского населения, тяготевшего к России по языку, вероисповеданию и культуре. По современным данным ситуация выглядит несколько иначе. К началу XX в. доля идентифицировавших себя с русинами и украинцами славян в Галиции уменьшалась, так как шли интенсивные миграционные процессы и полонизация[2].

После вступления русских войск на территорию Галиции рассуждения о славянском единстве приняли практический характер. Наиболее важным в этом контексте становился вопрос о поддержке различных политических групп на территории Галиции. Выше было отмечено, что существенную роль играли связи между общественными деятелями в России и Галиции. С началом войны и вступлением российских войск на территорию Восточной Галиции связи российских националистов и галицийских «москвофилов» укрепились. Но при этом произошло столкновение пропагандируемых идей славянского единения и внешнеполитических интересов Российской империи.

Первые месяцы войны показали, что российские националисты, пропагандируя славянское единение, вышли из-под контроля государственных структур и пытались проводить собственную политику. Поэтому практические шаги российских властей в отношении галицийских «москвофилов» были направлены не столько к установлению связей и укреплению единства, сколько к локализации и ограничению их политической активности распространением там церковных книг на славянском языке. При этом большие споры вызвал вопрос об открытии польских школ, тогда как школы с «русинским» языком преподавания открывались без задержек, организовывалась подготовка учителей для них. Глубоко враждебными России были признаны школы с преподаванием на польском, немецком и украинском языках. В результате этого группа польских депутатов Думы и Государственного совета направила Г. А. Бобринскому записку о положении в Галиции, критикуя действия тамошней администрации в области образования. Ряд депутатов Думы (М. А. Стахович, Н. Н. Львов, Н. А.

Хомяков) в письме Бобринскому отмечали, что создается впечатление, что введение в Галиции русского строя начинается с немедленной борьбы с польской школой и польским языком на всей территории Восточной Галиции. Эти призывы сыграли свою роль, и борьба с польским языком и польской школой прекратилась. Было решено сохранить преподавание в низших, средних и высших школах на польском языке, за исключением «словесности, истории, географии и предметов русского права, каковые преподаются на русском языке и обучение коим в учебных заведениях надлежащих разрядов обязательно»[1]. В то же время не прекращались борьба с украинским языком и «украинством», выразившаяся в постепенном вытеснении униатского духовенства из приходов.

В 1915 г. русские войска оставили Восточную Галицию. К этому времени стало очевидным, что воссоединение разрозненных «славянских племён», как любили писать в газетах, не произошло. Стало очевидным, что галицийские русины не стремятся признавать себя русскими. Но дальнейшая политика в Галиции в 1916 г. показала, что освобождение от иллюзии славянского единства было тяжёлым и медленным. 16 июля 1916 г. на временно завоеванных территориях Буковины (Тернопольская и Черновицкая губернии) и Галиции было вновь образовано военное генерал-губернаторство. Военными властями летом 1916 г. были решены вопросы организации управления Восточной Галицией. Основные принципиальные решения принадлежали А. А. Брусилову. Независимо от работы комиссии по разработке нового положения об управлении Галицией им были сформулированы основные подходы к деятельности русских властей в Галиции. Брусилов считал, что задача управления временно оккупированными территориями Австро-Венгрии на период войны должна исчерпываться мероприятиями по организации содействия войскам и поддержанием порядка в тылу и полностью контролироваться военной властью. Военные власти, начавшие играть лидирующую роль в управлении Восточной Галицией в 1916 г., основывались на том, что необходимо

«избегать всякой политической тенденции при управлении краем». А. А. Брусилов считал, что в тех условиях, которые сложились в Восточной Галиции к 1916 г., возможно только военное управление, без политики религиозной, школьной и других вопросов, которые были важными в 1914–1915 гг., всё население должно быть равным в правах, без различия национальности и религии. Подобной позиции придерживался и начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М. В. Алексеев. Такой подход, казалось, должен был исключить всякие проявления национализма на территории Восточной Галиции.

Новый генерал-губернатор занятых русскими войсками областей Австро-Венгрии, генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов (младший) приступил к выполнению своих обязанностей, руководствуясь именно этими принципами. Спектр проблем, которые стояли перед ним как генерал-губернатором, был в целом таким же как в предшествующий период: организация жизни гражданского населения, в том числе образования, суда, предупреждение эпидемий, снабжения продовольствием, так как урожай 1915 г. в основном погиб. Осенью 1916 г. генерал-губернатор Трепов разрешил открыть школы в Галиции и вести преподавание по ранее принятым программам. Единственное ограничение было наложено на преподавание немецкого и еврейского языков, а также предписывалось русской администрации наблюдать за тем, чтобы в школе не «допускались проявления, враждебные России». Этим распоряжением устранялись прежние ограничения на преподавание на украинском и польском языках, и уже не делалось попыток сразу создать в Галиции русскую школу. Однако это распоряжение вызвало активные возражения Министерства иностранных дел. Летом 1916 г. МИД возглавил тогдашний председатель Совета министров Б. В. Штюрмер, придерживавшийся крайне консервативных взглядов. С позицией председателя Совета министров и Министра иностранных дел никак не согласовывалась политика в Галиции, предусматривавшая свободное развитие преподавания на украинском языке. То обстоятельство, что

Трепов не считал возможным немедленно ввести преподавание в школах Галиции русский язык, вызвало возражения в МИД. Хотя позиция Третьякова была вполне объяснимой. Он считал, что введение в преподавании русского языка потребует решения целой массы самых разнообразных вопросов: поиск преподавателей, подбор учебников, определение места нового предмета в уже устоявшейся школьной программе и т. д. Все эти действия, по мнению Третьякова, имели бы смысл в более стабильной ситуации, а в условиях военного времени могли только породить массу недовольных и в очередной раз скомпрометировать русскую власть в крае. В Министерстве иностранных дел не разделяли взгляда Третьякова на организацию образования в Галиции. Министерство снова обратило внимание на украинский вопрос в Галиции в связи с положением его внутри Российской империи. В министерстве считали, что организация преподавания в школах Галиции является вопросом первостепенной важности, поскольку он тесно связан с «общим вопросом об украинстве и отношении к нему русского правительства», и поэтому школьный вопрос в Галиции должен быть «выяснен и решен в строгом соответствии с нашими государственными и национальными интересами и задачами. Важность этой проблемы, по мнению Министерства иностранных дел, усугублялась тем, что то или другое направление, данное русскими властями развитию образования в Галиции, рано или поздно оказало бы влияние на общественное мнение в малороссийских губерниях и могло иметь последствия политического характера. Это была внутривластная сторона проблемы. Кроме того, вопрос организации школьного преподавания в Галиции, должен был иметь и внешнеполитические последствия. Как и в 1914 г., Министерство иностранных дел заявляло, что одной из главных задач российской внешней политики является воссоединение «Прикарпатской Руси с Русью Державной», и полное духовное объединение Галиции с русским народом должно произойти, прежде всего, благодаря русской школе. Языки, которыми пользовалось население Восточной Галиции, по мнению руководства МИД, представляли собой

«местные провинциальные наречия русского языка», которые, хотя и имели право на самостоятельное существование, использование в местном самоуправлении, но в школе «должны служить орудием к усвоению учащимися их единственного языка национального, каковым является только язык общерусский литературный». Но военные власти, управляя галицийским генерал-губернаторством в 1916 – начале 1917 гг., исходили из задач армейского тыла, а не национальной политики, которая по-прежнему волновала Министерство иностранных дел[3].

Несмотря на возражения МИД и российской консервативной общественности, в Галиции были открыты школы на принципах, разработанных местными властями. Наиболее важными вопросами в политике галицийской администрации в 1916 г. были не школьный и конфессиональный, как это было прежде, на первом месте стояли вопросы помощи местному населению, разоренному войной. Русские власти вновь приступили к организации помощи продовольствием, семенами и т.д., пытаясь наладить поставки из России. Деятельность военной администрации в Галиции была прервана событиями февраля 1917 г., и «галицийская проблема» досталась в наследство Временному правительству. Таким образом, конкретные мероприятия на территории Восточной Галиции показали, что идеи «славянского единства» столкнулись с конкретной, прагматичной политикой в отношении отдельных славянских народов. Отношение к отдельным славянским народам зависело от конкретных внешнеполитических задач, которые формировали весьма дифференцированное отношение к славянам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Примечание № 1[Текст] // Русско-польские отношения в период мировой войны: сборник документов. – М.-Л. : Московский рабочий, 1926. – С. 155.
2. *Пахолків, С.* Українська інтелігенція у Габсбурзькій Галичині: освічена верства й емансипація нації [Текст]. – Львів: ЛА «Піраміда», 2014. – С. 115, 122.

3. № 8. Особый журнал совета министров 18 февраля 1915 года. О главных началах будущего политического устройства Польского края [Текст] // Русско-польские отношения в период мировой войны : сборник документов. – М.-Л. : Московский рабочий, 1926. – С. 46.
4. Бахтурина, А. Ю. Славянское единство: идея и практическое воплощение в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны [Текст] // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. статей / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. – СПб. : СПбГУ, 2014. – С. 55–65.

Научное издание

**РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Материалы тамбовских краеведческих чтений
(декабрь, 2014)

Члены редакционного совета:

Патрина Людмила Николаевна

(ответственный редактор)

Житин Руслан Магометович

Стяблина Ирина Викторовна

Рецензент:

Акользина Марина Константиновна

Статьи и списки источников опубликованы в авторской редакции